

«Разговорные речи» (стр. 215) сближают писателя с его корреспондентом Васюшкой Грязным. В посланиях обоих — близкие обиходные выражения, сходные грамматические обороты, мало употребительные в письменных памятниках. Те же черты свойственны и посланию в Кирилло-Белозерский монастырь²⁵ против «пагубного монастырского бесчиния» (стр. 177), и даже дипломатической переписке. Здесь Грозный-писатель выступает новатором; консерваторы-церковники утверждали, что книжные речи «народными обещещиваются».

Иван Грозный смело и непосредственно смешивает в своих сочинениях высочайший стиль с его церковно-славянизмами и книжными грамматическими конструкциями с обыденным московским просторечием.

Обмирщение публицистики выражалось в посланиях Грозного не только в области языка, но и в тематике сочинений. Грозный позволял себе в одних и тех же сочинениях писать и о важных вещах и о мелких бытовых подробностях. Это наблюдается в посланиях Курбскому, рассчитанных на зарубежного читателя. И Курбский поэтому в ответ стыдит Грозного и за вторжение мелочных воспоминаний, бытовых подробностей и ругательств в его политическую публицистику («туто же...»), и за выражение мыслей «варварским языком», языком простых людей, называя его писание «баснями неистовых баб» («еж не токмо цареви... но и простому воину сие было не достойно»)²⁶.

В «Очерках поэтического стиля древней Руси» В. П. Адриановой-Перетц показано, как широко и своеобразно использовал Иван IV в своем литературном творчестве наряду с библейскими образами устную народную поэзию и образность живого языка: характерное для фольклора уподобление жестокости, злобы и коварства качествам полусказочных зверей, метафорическое противоположение тьмы и света как отрицательных и положительных явлений, употребление слова «собака» в иносказательном смысле «изменник» и т. д.²⁷

Языку Грозного свойственны черты, сближающие его с языком Даниила Заточника: «На зайцев потребно множество псов, на враги ж множество вой» (стр. 31); «Ведь дать волю царю ино и псарю, дать слабость вельможе, ино и простому» (стр. 173).²⁸

Сохранились свидетельства об участии Ивана Грозного в народных обрядовых играх, о любви его к народным сказкам и песням, о бытовании фольклорных жанров при его дворе.

По-видимому, под «излишними играми презлых сверстников», о которых Курбскому было писать «срамно»,²⁹ можно понимать народные

²⁵ Д. С. Лихачев. Иван Грозный-писатель. — Послания Ивана Грозного, стр. 465.

²⁶ «Тутю же о постелях, о телогреях, и иные бесчисленные, воистину якобы неистовых баб, басни, и так варварско, яко не токмо ученым и искусным мужем, но и простым детем со удивлением и смехом... Не достоят мужем рыцарским свариться, аки рабом», — читаем в «кратком» ответе на Первое послание Грозного (РИБ, т. XXXI, стлб. 113, 116); «А еще пишеши о Курлятеве, о Прозоровскихх и о Ситцких, и не вем о яких узорочьях, и за упокой, припоминаючи и Кроновы и Афродитовы дела и стрелецких жен, аки бы нечто смеху достойно и пияных баб басни...», «не достоят нам воинном, яко рабом свариться», — отвечает Курбский во Втором послании (РИБ, т. XXXI, стлб. 134—135).

²⁷ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 37, 92, 93.

²⁸ Быть может, не без непосредственного воздействия сочинения Даниила Заточника в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь появились слова: «Ино то ли путь спасения, что в черньцех боярин боярства не състрижет, а холоп холопства не избудет?» (стр. 179). (Сравнить: «... тако же и холопу: аще бо паче меры горделив был и буяв, но укору ему своего не избыти, холопья имени» — «Слово Даниила Заточника». Приготовил к печ. Н. Н. Зарубин. Л., 1932, стр. 61).

²⁹ РИБ, т. XXXI, стр. 169